

Владимир Даль

КАРТИНЫ РУССКОГО БЫТА

Санкт-Петербург

УДК 39
ББК 63.5
Д 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Составление, подготовка текста, предисловие и примечания
Кирилла Королева

ISBN 978-5-389-34278-1

© К. М. Королев, составление, предисловие,
примечания, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня Владимир Даль (1801–1872) прочно и заслуженно известен прежде всего как составитель «Словаря живого великорусского языка», этого бесценного кладезя «народной мудрости», как выражались в XIX столетии, — богатейшего собрания языковых и культурных фактов, не утратившего своего значения по сей день. Именно поэтому Далья чаще всего именуют ныне филологом или лингвистом (хотя последнее неправильно, — лингвистом, то есть специалистом по структуре языка, он точно не был). Иногда еще вспоминают, что по образованию и основному роду деятельности он был врачом, а к изучению русского языка и русской культуры обратился по зову души, подобно многим образованным своим современникам-соотечественникам.

В ту пору в России существовали две культуры, во многом независимые друг от друга: культура грамотных с ее приверженностью классической европейской традиции и культура «простонародная», или, как принято было говорить, «подлая». Пушкина после публикации стихотворных сказок некоторые критики упрекали в использовании «подлых» словечек и сюжетов, что неприемлемо для настоящей литературы. В наши дни эти обвинения вызывают лишь недоуменную усмешку, но в те годы многие в самом деле считали, что «мужицким» словам и «байкам» нет места в подлинной культуре. Впрочем, постепенно — пусть очень неспешно — такое положение дел начинало меняться.

Пробуждение интереса к «народному» среди образованных сословий неразрывно связано с утверждением романтизма, высоко ценившего «сокровища народной души», если процитировать И. П. Сахарова, одного из первых отечественных этнографов-

любителей. По всей Европе, в том числе и в России, прогремело тогда имя Оссиана — легендарного древнеирландского барда, поэмы которого якобы нашел (на самом деле сочинил) и опубликовал шотландский поэт Джеймс Макферсон в 1760-х годах. «Оссиановы поэмы» пробудили у дворянства и мещан интерес к «седой древности» и народной культуре собственных стран, благодаря чему развернулась настоящая охота за памятниками старины: именитые вельможи, а следом за ними купцы и промышленники превратились в коллекционеров и принялись состязаться между собой в том, кто соберет больше фольклорных текстов; они платили за розыск старинных рукописей и отряжали ученых записывать народные песни, сказки и предания.

До поры все эти сокровища хранились в частных собраниях, именно там прятались подлинные жемчужины древней словесности — например, рукопись «Слова о полку Игореве». Однако растущий в обществе интерес к отечественной истории и культуре побуждал коллекционеров делиться своими находками, то есть передавать рукописи в печать. Так, в 1800 году было осуществлено первое печатное издание «Слова», а в 1804 году увидел свет сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (первая публикация былин).

Приблизительно тогда же стали появляться и первые ученые исследования отечественной народной культуры, которые — со значительными оговорками, конечно, — можно назвать этнографическими. У истоков описания традиционной русской повседневности стояли Александр Пушкин, записывавший народные сказки со слов няни, и два Ивана — Снегирев, выпустивший «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839), и Сахаров, составивший «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1836). Эти авторы, образно выражаясь, распахнули ворота в мир «подлой» культуры русского крестьянства и городских низов, после чего такие исследования хлынули полноводной рекой, становясь все более профессиональными. Среди тех, кто приложил руку к изучению и популяризации народной культуры, был и Владимир Даль.

Хотя в справочниках сочинение Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» обычно датируется 1880 годом, очерки, составившие впоследствии эту книгу, публиковались сначала по отдельности в журнале «Иллюстрация», в 1845–1846 го-

дах. То есть Даль писал очерки непосредственно на основе полевых материалов, накопленных в ходе работы над будущим «Словарем» (известно, что фольклорные и языковые записи он вел с юности), практически не имея предшественников, на труды которых он мог бы, как принято в науке, опираться, — не считая упомянутых работ Снегирева и Сахарова. Поэтому сочинение Даля, содержательное настолько, что оно по сей день не утратило своего значения, обладало дополнительной ценностью: в нем и вправду звучал — пусть слегка приглаженный из соображений благопристойности, как ее тогда понимали, — «голос народа». Эту дополнительную ценность этнографические очерки Даля сохраняют до сих пор.

При всем том Даль интересовался не только народными словечками и поверьями: круг его интересов был гораздо шире. Это и разнообразные медицинские новшества — не забудем, что он был врачом, — причем как вполне научные (доказательная медицина), так и всевозможные модные теории, которые сегодня принято обозначать словом «паранаука»: тут и гомеопатия (да-да, зародилась эта теория отнюдь не сегодня, а в первой половине XIX столетия), и почти забытая в наши дни кранология, больше известная как френология, — учение о взаимосвязи строения человеческого черепа с различными особенностями поведения, а также народная медицина во всей своей «суеверной» красе, за отдельными рецептами которой скрывалось практическое знание. Это жизнь животных, своего рода «звериная этнография»: повадки зверей — медведя, волка, лисы — Даль описывал одновременно как страстный охотник (сколько в его очерках чисто охотничьих подробностей!) и как человек, живо увлеченный «сожительством» людей и животных. Это тяготы и свершения воинской службы, сухопутной и морской; вспоминая собственное участие в боевых действиях и опираясь на рассказы других, Даль написал два больших сборника очерков — «Солдатские досуги» и «Матросские досуги». Это и история России — прежде всего история петровского времени, а при ней и более ранняя, в изложении для детей: Куликовская битва, другие сражения той поры, эпоха становления Русского государства. Наконец, это жизнь, нравы и обычаи соседних народов — и тех, которые проживали на территории Российской империи, и тех, которые обитали по соседству. Не будет преувеличением сказать, что любая тема,

к какой бы ни обращался автор, под его пером раскрывалась содержательно и красочно. Конечно, иногда нужно делать поправку на общий уровень знаний и представлений, свойственных XIX веку, — ведь Даль был человеком своего времени; «бытописания» Даля представляют ценность как яркий и достоверный срез повседневной жизни наших предков.

Хочется надеяться, что читателю этого сборника Владимир Даль откроется не только как талантливый филолог, но и как тонкий и беспристрастный наблюдатель народной жизни, каким и положено быть этнографу. Недаром Николай Гоголь отмечал в Дале именно эти черты: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления производить творческие создания. Ум твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живость его слова. Все у него правда и взято так, как есть в природе» (письмо П. Плетневу, 1846). Сочинения Даля, продолжая цитировать Гоголя, «есть живая и верная статистика России», и всякому, кто возьмет в руки это издание, предстоит в том убедиться.

Для настоящего издания отобраны произведения В. И. Даля, отражающие разнообразие его интересов. Помимо отдельных журнальных публикаций, при подготовке издания использовались авторские сборники «Солдатские досуги», «Матросские досуги» и «Картины из русского быта». Все публикуемые тексты сверены с первоисточниками, и составитель сборника благодарит Т. А. Велимеева за тщательно проделанную работу. При сверке были выявлены и исправлены отдельные опечатки ранних публикаций.

Текст «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» заново сверен с посмертной книжной публикацией 1880 года (СПб.: Изд. М. Вольфа).

Для удобства современного читателя мы сочли возможным внести в авторские тексты легкую редакторскую правку — технического свойства. Правка затронула прежде всего пунктуацию, правила которой в XIX столетии сильно отличались от принятых ныне; это касается расстановки запятых и других знаков препинания, а также оформления прямой речи. Кроме того, при безусловном сохранении авторской стилистики менялись на современные формы окончаний — например, вместо «длинною за-

ПРЕДИСЛОВИЕ

снеженною дорогою» в настоящем издании напечатано «длинной заснеженной дорогою»; на наш взгляд, такая правка уважительна как для автора, писавшего в другую эпоху, так и для нынешнего читателя, которому непросто вчитываться в стилистику почти двухсотлетней давности. Еще наша правка затронула отдельные географические названия, если автор употреблял устаревшие написания, и некоторые слова, исправление орфографии которых на более привычную сегодня (скажем, «цирюльник» вместо «цырюльник») ничуть не меняет смысла произведений.

По тексту сборника читатель найдет немало примечаний, призванных разъяснить детали повествования, очевидные для автора, но со временем подзабывшиеся. В основном эти примечания — они обозначены как примечания редактора — носят биографический характер или уточняют некоторые особенности минувшей жизни и оставшегося в прошлом быта. В отдельных очерках встречаются авторские примечания, порой довольно объемистые; эти примечания не сопровождаются какими-либо отметками; следовательно, всякое примечание без указания на источник сведений принадлежит Далю.

В конце книги читатель найдет короткий, но полезный словарь редких, малоупотребительных и иноязычных слов, которые встречаются в публикуемых текстах.

Кирилл Королев

О СЕБЕ И СВОЕМ ВРЕМЕНИ

Автобиографическая записка

В. И. Даля

Прадеды мои по отцу были датчане, и отец датчанин, вызванный Екатериной из немецкого университета (кажется, из Йены) в библиотекари. Он был богослов, знал древние и новые языки, даже еврейский, и в Петербурге с помощью вельмож (кажется, Ахвердова¹ и других), рассудив, что ему нужен хлеб, отправился в Германию, в университет в Йену, и вышел доктором медицины.

После этого он женился на Марии Фрейтаг, дочери бывшего на русской службе чиновника ломбарда, и, вступив на службу, назначен врачом по горному ведомству в Петрозаводск. Не знаю, по какому поводу, он вскоре был переведен в Петербург в кирасирский полк, стоявший в Гатчине. Отец мой был горяч иногда до безумия и с великим князем (Павлом) не ладил, а по обязанности являлся ежедневно к нему с рапортом. Однажды майор того полка опоздал на какой-то смотр или парад. Великий князь, наскочив на него, до того ему выговаривал, что тот, покачавшись на лошади, свалился снопом: с ним сделался удар. Павел Петрович бросился к нему, приказал отцу моему неотступно о нем заботиться, и когда через несколько дней майор поправился и мог лично явиться к нему, то великий князь, подав ему руку, сказал: «Sind Sie ein Mensch?» («Вы человек?») Тот отвечал: «Ja, Hochheit» («Да, ваше высочество»). — «So können Sie auch verzeihen» («Значит, вы умеете прощать»).

¹ Имеется в виду Николай Исаевич Ахвердов (1754–1817), потомок грузинского княжеского рода, генерал-лейтенант русской армии и придворный Екатерины II и Павла I. — *Сост.*

Я слышал от матери, что она была во все время после этого в ужасном страхе, потому что отец мой постоянно держал заряженные пистолеты, объявив, что если бы с ним случилось что-нибудь подобное, то он клянется застрелить наперед виновного, а потом и себя.

Оттуда отец мой был переведен по горному же ведомству в Лугань Екатеринославской губернии¹, где я и родился, после двух старших сестер, в 1801 году 10 ноября. За мною следовали, кроме умерших в малолетстве сестер, братья: Карл, Лев и Павел. Карл был моряк и умер в Николаеве; Лев — артиллерист, убит при взятии Варшавы в 1831 году, и товарищи поставили ему памятник. Павел, не кончив курса в Дерптском университете, умер чахоткой в Риме (где ему племянник Лев Даль поставил памятник уже гораздо позже). Меня с Карлом отдали в морской корпус; это было летом в 1814 году, 13 с половиной годов.

Что скажу об этом воспитании, о котором в понятии остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенною для этой потехи? Трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени и даже в случае простой бессмысленной досады любого из числа 25 офицеров. Расскажу несколько случаев, которых я был свидетелем. По обычным преданиям, кадеты сообща устраивали в огромной обеденной зале в Новый год род иллюминации, ставили раскрашенные и промасленные бумажные саженные пирамиды, освещенные огарками внутри. Какого труда и заботы дело это стоило, особенно потому, что оно должно было делаться тайно! Дети прятались для этого на чердаке и в других малодоступных местах, расписывая под охраной выставленных махальных бумажные листы вензелями начальников своих и наклеивали на лучинные пирамиды. Об этом, конечно, знали все офицеры, но не менее того как всякая без изъятия забава или занятие, кроме научного, были запрещены, то в 1816 году офицер 1-й роты Миллер (он стоит того, чтобы его назвать) своими руками в умывалке 1-й роты изломал в щепы и изорвал в клочки изготовленные к Новому году пирамиды. Не без слез,

¹ Луганск, место рождения В. И. Даля, по которому он впоследствии взял себе литературный псевдоним Казак Луганский. — *Сост.*

конечно, изготовлены были взамен вторые, по недосугу гораздо меньшие, а впоследствии, на самой иллюминации и маскарade, сами офицеры прохаживались по зале, любовались картинными вензелями своими на пирамидах, будто ни в чем не бывало.

Другой пример.

Директор наш, дряхлейший адмирал Карцев, выживший уже из лет, заметив в сумерках, что кадеты расчистили себе на дворе каток и катаются немногие на коньках, другие скользя на подошвах, приказал купить и раздать на каждую роту по десяти пар коньков. Казалось бы, затруднение и самое запрещение этим было устранено, и раздачу коньков нельзя было принять иначе как за поощрение; а между тем если кадета ловили на такой забаве, которая считалась в числе шалостей, если они не успевали скрыться через бесконечно длинные галереи, то их непременно секли. Иногда нельзя было не подумать, что люди эти не в своем уме. То же можно сказать о лейтенанте Калугине, вертлявом щеголе и ломаке. Всякого кадета, который смел при нем смеяться, он допрашивал под розгами: о чем ты смеешься, вероятно подозревая, что смеются над ним. Последствия такого воспитания очевидны. Не было того порока, который бы не входил в обиход кадетской жизни.

Это было тем тяжелее, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома. Отец был строг, но очень умен и справедлив. Мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим, насколько могла. У нас были только учителя Штурманского училища, к которым мы ходили на дом: учителя рисования и математики. Прочему учила мать, которая знала, кроме немецкого и русского, еще три языка. Бабушка по матери, Мария Ивановна Фрейтаг, даже была русская писательница, по крайней мере переводчица, и значится в Смирдинском каталоге¹.

Но что сказать о науке в корпусе?

Почти то же, что о нравственном воспитании: оно было из рук вон плохо, хотя для вида учили всему. Марко Филиппович

¹ Известны переводы на русский язык сочинений швейцарского поэта С. Геснера и немецкого драматурга А. Иффланда, выполненные М. И. Фрейтаг. *Смирдинский каталог* — «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина» (1828), составленное библиографом В. Г. Анастасевичем описание книг из собрания известнейшего книготорговца своего времени А. Ф. Смирдина, фактически литературная энциклопедия. — *Сост.*

Горковенко, ученик известного Гамалеи¹ и наш инспектор классов, был того убеждения, что знание можно вбить в ученика только розгами или серебряною табакеркой в голову. Эта табакерка всякому памятна.

«Там не так сказано, говори теми же словами», и затем тукманку в голову — это было приветствие Мар. Фил. при вступлении в бесконечный ряд классов.

3 марта 1819 года, после трех кампаний в Маркизовом море², мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Черное море в Николаев. На этой первой поездке по Руси я положил основание к своему «Словарю», записывая каждое слово, которое дотоле не слышал. После корпусного воспитания не было у меня никаких разумных наклонностей: я шатался с ружьем по степи, не брал книги в руки, при всем том по какому-то чутью искал знакомства и товарищества с лучшими людьми: назову Скарабелли, братьев Рогулей, отчасти Зайцевского³ и других.

Лучшие годы жизни, убитые мною при корпусном воспитании, не могли поселить во мне никаких добрых, нравственных наклонностей; ими я обязан домашнему воспитанию. Отец мой был прямой и в самом строгом смысле честный человек, но в обращении с нами несколько сух и иногда даже суров; но мать, разумным и мягким обращением своим, а более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покидавшее меня во всю жизнь. Не умею объяснить, как и чем это сделалось; но чувствую и сознаю, что это так и ныне, когда мне уже исполнилось 70 лет и когда сыну моему уже 35. Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же.

1872

¹ *Гамалея Платон Яковлевич* (1766–1817) — русский моряк и ученый, теоретик военно-морского искусства, преподаватель и инспектор классов Морского кадетского корпуса. — *Сост.*

² То есть в Невской губе Финского залива, за которой исторически закрепилось ироническое наименование Маркизова лужа (или море, как у автора, в честь морского министра Ж.-Б. де Траверсе, при котором Балтийский флот не ходил дальше Кронштадта). — *Сост.*

³ *Скарабелли* — вероятно, Скарабелли Павел Осипович (Иосифович) (1796–1855), моряк, ученый и педагог; братья *Рогули* — офицеры Черноморского флота, близкие знакомые В. И. Даля в Николаеве; *Зайцевский Ефим Петрович* (1799–1860) — русский моряк и поэт. — *Сост.*

Рассказы о временах Павла I

1) Отец мой служил в Гатчине при великом князе Павле Петровиче, оставил место это по неприятностям, о коих никогда не говорил мне, но о личности великого князя между прочим рассказал мне следующий случай. В Гатчине стоял один из конных полков, и великий князь ежедневно бывал на разводе и ученьях.

Майор Фрейганг, по какому-то недоразумению, опоздал к разводу. Великий князь встретил его так, что тот, просидев несколько минут перед ним молча, с опущенным палашиом, на седле, вдруг свалился, как сноп, наземь. Великий князь требовал от врача, отца моего, ежедневно по два раза, устного донесения о положении пораженного ударом и призвал тотчас к себе оправившегося больного. Встретив его, подав ему ласково руку и посадив его, великий князь спросил по-немецки:

— Bin ich ein Mensch? (Человек ли я?) — и на молчание Фрейганга повторил свой вопрос, а на ответ: да, продолжал:

— So kann ich auch irren! (Тогда я могу и ошибиться!)

И далее:

— Sind Sie Mensch? (И вы человек?)

— Человек, ваше императорское высочество.

— Dann können sie auch verzeihen! (Тогда вы, конечно, умеете прощать!) — и обнял его.

2) Генерал Сапожников передал мне слышанное им лично от известного генерала Яхонтова, бывшего пажом при дворе.

Император жил летом в Гатчине, в весьма тесном дворце, стоящем полукругом на площади. Государь обедал рано и обычно садился после этого в большие кресла, прямо против растворенных на балкон дверей, и отдыхал. Об эту пору вся Гатчина замирала в молчании; махальные от дворцового караула выставлялись по улицам, ведущим на площадь, езды по городу не было. В такую-то пору шел по направлению ко дворцу паж Яхонтов и, пройдя тихонько по стенке до того места, где внизу во дворце жили фрейлины, вздумал пошалить: вскочив на подстенок, он приплющил лицо к оконнице, оградившись с боков от солнца ладонями и раскланиваясь с коротко знакомыми ему девицами, начал корчить рожи, чтобы их рассмешить. Те, зная общую слабость свою, с трудом удерживаясь от хохота, стали отгонять его знаками, указывая наверх и объясняя приложением руки к наклоненной голове, что государь отдыхает. Паж или камер-паж, видно, не расположен

был кончить этим шалость свою и внезапно, во все безумное горло свое, пустил сигнал: «Слу-ша-ай!» Соскочив с подстенка, он тихо и быстро побежал далее, выбрался с площади на улицу и был таков. Можно себе представить, какая тревога поднялась во дворце, когда это сумасбродное «Слушай» среди белого дня раздалось под растворенным балконом отдохавшего государя! Император вскочил и позвонил. «Кто кричал „слушай“?» — спросил он вне себя, но с видимым наружным покоем. Вошедший поспешил выскочить и бросился опрометью вниз к караульне. Второй звонок — «Кто кричал „слушай“?», и этот адъютант или ординарец, не знаю, едва успел добежать до лестницы, как сильный звон заставил спешно войти всех бывших налицо в передней. Так кто кричал «слушай»? Голос, коим сделан этот вопрос, был знаком всем близким: очевидно, терпение императора истощилось. У караульни шла переборка — комендант, плац-майор, дежурный по караулам, караульный капитан, весь караул у сошек, — а виноватого нет, никто ничего не знает. Воротившиеся из посылки в страхе стоят в передней, глядят друг на друга, никто не знает, что делать. Еще звонок и тот же вопрос «Кто кричал „слушай“?» встречает опрометью кинувшихся в покои чуть не на пороге. Коменданта и весь причт его давно уже дрожь пробрала до костей; он кидается на колени перед караулом и умоляет солдат: «Братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умилим после государя, не бойтесь, отстоим, он добр, сердце отляжет».

Гвардеец выходит из фронта¹ и говорит смело: «Я кричал, виноват». Чуть не на руках внесли его в государеву приемную и наперед уже, бегом, успели объявить императору, что нашли виноватого, нашли!

Услыхав слово это, государь спокойно сел опять в свои кресла и велел позвать его. Солдат вошел под весьма почетным конвоєм и стал перед государем, который, поглядев на него молча долго и пристально, спросил:

— Ты кричал «слушай»?

— Я кричал, ваше императорское величество!

— Какой у него славный голос! в унтер-офицеры его, и сто рублей за потеху.

3) В одном из ежедневных приказов по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конец прошлого ве-

¹ То есть из строя. — *Сост.*

ка, — писарь расчеркнулся так, что когда писал: «Прапорщики ж такие-то в подпоручики», то перенес на другую строку небывалое словцо «ки-ж», начав его еще с прописной, размашистой буквы. Пробегаая наскоро приказ этот, император принял словцо это, с прописною буквою, за коим следовали прозвания, также за прозвание одного из производимых и написал тут же: «Подпоручик Киж в поручики». На другой день подпоручик Киж произведен был в штабс-капитаны, а на третий, подписывая приказ, государь написал против него: «В капитаны». И это сделано. Никто не успел оглянуться, ни опомниться, как Киж произведен был в полковники, с отметкой: «Вызвать сейчас ко мне». Тогда только бросились по приказам, где этот Киж? Он оказался в каком-то Азовском или Апшеронском полку, где-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакал за ним. Можно вообразить изумление полкового командира, до которого еще не успел дойти обычным порядком первый приказ о производстве прапорщика Киж, как привезен был уже с фельдъегерем последний, о производстве его в полковники, и когда, сверх сего, полковой командир не мог понять, о чем и о ком идет речь, потому что в полку его никогда никакого Киж не было. Есть же на свете Чиж, подумал полковник, почему бы не быть и Киж, но только не в этом полку. Фельдъегерь подавно ничего не мог тут объяснить и поскакал, едва перекусив, обратно.

Донесение полковника, что в полку его Киж нет и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцелярии их. Бросились следить по приказам, и наконец бедственный первый приказ, о производстве Киж в подпоручики, разъяснил дело. Между тем государь уже спрашивал, не прибыл ли полковник Киж — вероятно, желая с нетерпением поздравить его генералом. Решились доложить государю, что Киж умер. «Жаль, — сказал император, — был хороший офицер...»

1870

Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту

Невский проспект, от Дворцовой площади и до Невского монастыря, — это не только целый город, целая столица, это целый мир; мир вещественный и мир духовный, мир событий, столкно-

вений, случайностей, мир хитрой и сложной расчетливости, тонких происков и продувного пустозвона; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской помост фиглярства; кладезь замысловатости и битая мостовая пошлости; картинная галерея скромной модности и позорище модной скромности; выставка щегольства, роскоши и вкуса — базар чванства и суетности, толкучий рынок многих, если не всех, слабостей и глупостей людских; опорная точка, основание действий и целой жизни одного человека — поворотный круг и солнцестояние другого; это ратное поприще и укромная келья — бег взапуски на беспредельное пространство и тесный круг коловращения вокруг наемного очага. Разгульная песнь лихого тунеядца сливается здесь с тихим вздохом труда и стоном нужды. Служба, и военная, и гражданская, словом, всякая, мелькает вправо и влево, впереди и назад — и тут же снуют туда и сюда самые неслужебные лица, озабоченные своими и чужими расчетами, нуждой и горем — прохаживаются чванно самодовольные, самонадеянные, упитанные и умащенные куколки; и между ними и между службой скользят и ватаги вольницы и тунеядцев. Вертлявый живчик пляшет рядом с неповоротливой торговкой; суций подобень, снимок с модной картинки, обгоняет сального пирожника, подмастерья в пестрядевом халате, голландского шкипера в байковой рубаше. А загляните в жилье — в подвалы, ярусы и чердаки — тут в одно и то же время и крестят, и отпевают, сватают, венчают, хоронят и рожают — и нет нужды, нет потребности, которой бы нельзя удовлетворить по бесконечной площади этой, от Зимнего дворца до Невского монастыря; тут все, вся лестница зданий, званий, чинов, возрастов и полов.

Другой описал уже население Невского проспекта по дням и часам, по суточным переменам¹; вы видели, что по Невскому движется целый мир, сбывает и прибывает попеременно круглые сутки — но мир этот образуется и составляется из сложностей всех чинов и званий, из совокупности нескольких тысяч людей, коих судьба сводит день за день изо всех концов столицы и целого царства; это не тот мир, о котором я хочу говорить; дайте мне рассказать вам, каким образом для одного частного челове-

¹ Имеется в виду повесть Н. В. Гоголя «Невский проспект» (1833–1834). — *Сост.*

ка весь мир ограничивался собственно стенами Невского проспекта и как самое даже воображение этого лица, в разгульные мгновения, не летало далее Елагина, Каменного и Крестовского! Каждое из лиц, составляющих собою мир совокупностей на Невском, служит миру час, а много два в сутки; остальное время лицедеи наши проводят во всех концах столицы, продолжают комедию или трагедию свою на Садовой, Гороховой, Литейной, а иной, пожалуй, даже на Острове и на Песках — но наш герой не сбивался во весь свой век со столбового пути Невского проспекта и был и жил тут весь свой век; тут он начал жизнь, тут и кончил; и даже самая развилина этой первой в мире улицы, за каретным рядом, не соблазнила его, как мы впоследствии увидим: он покинул Мытнинскую и пошел направо, к Невскому, не призадумавшись ни на минуту.

Итак, лет тому будет с 50, в одном из крайних деревянных домиков к Невскому монастырю жил немец, булочник. Его звали, разумеется, Иваном Ивановичем, как уже и в то время звали всех немцев — булочников и колбасников; Иваны Адамовичи были, как известно, воспитатели, учителя; Карлы Ивановичи или Иваны Карловичи доктора и немцы служащие; а имена Адольф, Август, Густав и другие, более замысловатые, составляли собственность немцев — художников и музыкантов. Иван Иванович был также художник в своем ремесле, но, как человек весьма скромный и не заносчивый, довольствовался именем и отчеством Ивана. Была у него жена Анна Ивановна, и более не было никого; детей Бог не дал. Иван Иванович нажил уже под Невским порядочное в быту этом состояние, часто тужил и скучал за наследником, но все ложился и вставал бездетен, пек сухари, крендельки и булочки, менял на себе верхнее белье, колпак и передник, по три раза в неделю, в урочные дни и часы, сдавал все это опять счетом Анне Ивановне и указывал только пальцем на то место, которое требовало починки; Анна Ивановна чинила, штопала, мыла, катала, гладила, сухари и булочки продавались успешно, а чета наша жила в одиночестве, ребятишек Бог не давал.

Подслушал ли кто желание Ивана Ивановича и Анны Ивановны или просто своим умом догадался, что зажиточному бездетнику булочнику можно поднести при случае гостинец — не знаю; но тут случилось вот что: в темный осенний вечер, когда Анна Ивановна давно уже закрыла ставни и собиралась подать

на стол картофель и молочный суп (а у нее была своя коровка), кто-то постучался довольно сильно у того окна, где была деревянная форточка, вместо нынешних жестяных, и сказал на вопрос старика: что нужно? — «Иван Иванович, выдь на минуту, выдь скорей, пожалуста, письмо к тебе есть, нужное дело». Иван Иванович положил белую глиняную трубочку свою бережно на карниз печки, накинуд не торопясь стеганый халат, отворил осторожно двери, между тем как Анна Ивановна, немного встревоженная, ему светила; вышедши на крыльце, он спросил: «Ну, какое письмо, что нужно?» — Все было тихо, никто не отвечал ни слова. Иван Иванович оглядывался кругом, готовился уже вымолвить прескверную русскую брань, которую перенял, со свойственною иностранцам легкостью, у нашего народа, — но как он делал все вообще не торопясь, то и хотел сперва осмотреться хорошенько, впотьмах стал спускаться со знакомого ему крыльца, вытаращив глаза прямо на улицу, спотыкнулся и чуть не отмерил по мостовой косую сажень. Из-под ног его какой-то сверток покатился по пяти или шести ступеням, и в то же время раздался из него жалобный крик котенка. В женском сердце Анны Ивановны отозвалось какое-то неизвестное нам, мужчинам, чувство; она поставила свечу торопливо на пол и кинулась к котенку. Иван Иванович также сошел с крыльца, не торопясь, и с удивлением оглядывался впотьмах, между тем как свет от свечи в сенях освещал великолепно цветной халат его и белый как снег колпак. «Что же это значит?» — спросил он, нагнувшись к находке своей, над которой хлопотала Анна Ивановна: котенок оказался ребенком, новорожденным мальчиком. Его внесли в покои — и с ним явилась у Анны Ивановны бездна хлопот и забот. «Бог послал, — говорила Анна Ивановна, — надобно за ним ходить как за своим».

Ребенок был завернут в поношенное женское платье и укутан сверху русским белым утиральником; во рту соска, на шее медный тельник, а в утиральнике нашлась записка, писанная каким-то полууставом¹: «Просим принять сего младенца, нареченного Иосифом, который очень хорошего роду».

¹ *Полуустав* — форма кириллического книжного письма с вертикальным расположением букв, как в уставе, но с легким наклоном (как бы курсив). — *Сост.*

Этот Гомер хорошего рода долго был загадкой для доброго булочника, негораздого на русскую грамоту; нечеткая записка заставляла подозревать, что тут кроется какое-нибудь недоумение, и только недель шесть спустя нашелся отставной сенатский писарь, голова деловая, который смог вывести Ивана Ивановича и всех друзей, приятелей и свойственников его из отчаянного положения называть крещеного человека неизвестным во всем христианском мире именем Гомера и дать мальчишке подлинную кличку его. Все дело заключалось в том, что в записке написано было не Гомером, а Иосифом; хотя, правду сказать, мудрено было разгадать полуграмотную скоропись, и сенатский писарь, видно, недаром слыл мастером и докой своего дела.

Как всякий неожиданный и необычайный случай, и этот также навел на Ивана Ивановича какую-то робость; он не знал, недоумевал, к добру ли это, к худу ли, ухаживал понемногу весь вечер около найденыша и как будто был доволен поневоле; он видел необходимость принять ребенка, воображал, что наконец сделался отцом, может воспитать, образовать ребенка, радоваться детскими забавами и успехами его — но в то же время перечила всему этому мысль, что это чужой, какой-то подкидыш, что за ним будет много забот и беспокойства и Бог весть что из него выйдет. Наконец Иван Иванович утешился тем, что если из ребенка выйдет негодяй, то, по крайней мере, он не сын его, не родной. Анна Ивановна не думала ни о чем, а хлопотала около младенца, доставала из обитого бронзой комода старое белье и собиралась тотчас же кроить из него пеленки. «Из поношенного лучше, — говорила она мужу, который задумался и ничего не слышал, — из поношенного лучше, это помягче, не так сурово, как новое».

Таким образом герой наш увидел свет или, по крайней мере, явился на свете в самом конце Невского проспекта, и, сверх того, на правой, плебейской стороне его; с этой минуты начинается прогулка этого человека по одной и той же улице, и много суждено было ему еще испытать до переходу на левую, аристократическую сторону проспекта, по которой происходило обратное нищество его до самого Невского кладбища.

Первый повод к восхождению был тот, что названные родители Иосифа прекрасного стали подвигаться понемногу все выше и выше по Невскому, по мере того как состояние их улучшалось.

Даль В.

Д 15 Картины русского быта : рассказы, очерки, статьи / Владимир Даль. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 880 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34278-1

Владимир Иванович Даль (1801–1872), создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», за свою жизнь успел проявить себя в самых разных сферах — как военный врач, этнограф, фольклорист, лексикограф и беллетрист. Яркий и самобытный литературный талант позволял ему одинаково свободно чувствовать себя в самых разных жанрах — очерке и сказке, военных мемуарах и полемической статье. Эта книга — приглашение открыть писателя Даля. Настоящий сборник представляет Даля во всей широте его творческого дара: в книгу вошли автобиографические записки и письма из военных походов, военно-морские рассказы о славных страницах русского флота и зарисовки армейского быта, статьи о воспитании и природе, главы из «Картин из русского быта» и капитальный труд «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа», а также размышления о родном языке и очерки о врачебной практике. Перед нами Даль многоликий — солдат и лекарь, этнограф и сказочник, философ и филолог, — но неизменно внимательный к человеку, к живому слову и живой душе народа. Книга адресована самому широкому кругу читателей.

УДК 39
ББК 63.5

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ КАРТИНЫ РУССКОГО БЫТА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.10.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-43695-01-R